

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления Союза советских писателей СССР.
Выходит под редакцией В. Винниковского, А. Кулакина,
В. Лебедева-Кумача, М. Либница, Е. Петрова,
Н. Погодина, А. Фадеева.

№ 12 (926)

Воскресенье, 23 марта 1941 г.

Цена 45 коп.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУР НАРОДОВ СССР

Еще в 1934 г. А. М. Горький в своей статье на съезде писателей указывал, что развитие литературы народов СССР намного опередило их изучение. В последние годы отставание критики историко-литературной науки стало опущаться еще больше, так как паше многонациональное литературное движение сделало громадный шаг вперед. Наконец новый, весьма обширный материал, требующий обобщения. Достаточно сказать, что к концепции историко-литературной науки уже около сорока национальных литератур, в которых можно встретить произведения всех жанров: поэзии, драматургии, прозы.

Это вполне естественный, здоровий процесс, обусловленный успехами ленинско-сталинской национальной политики. Стоит только учесть, что при советской власти 74 народа получили свою письменность и воспитывают своих писательские кадры. Маленькие Альгирды, например, насчитывающие около девяноста тысяч населения и имеющие еще в 1929 г. только двух грамотных на каждые сто человек, теперь создают свою литературу. Все языки зазвучали в согласном, стройном хоре.

При всем этом накопленный опыт еще неведен вспомогательно, а достижения многих национальных литератур не стали достоянием всеобщего читателя. Лучшей формой обобщения этого опыта Горький считал создание истории национальных литератур. Это, действительно, наиболее верный путь. Ведь только изучение истории литературных процессов и может стать научной базой для критики. Иначе она неминуемо будет отставать от задач, выдвигаемых перед ней самой жизнью, не способна к широким историческим обобщениям, а следовательно, к влиянию на дальнейшее развитие самой литературы.

Некоторые изменения в лучшему, правда, произошли. Так, подготовка Института им. Горького большого «Истории советской литературы», составление новых учебников национальных литератур, безусловно, явились толчком, побудившим республиканские союзы писателей в научно-исследовательские институты обединить коллектизы критиков и литераторов. Известно, что такие коллектизы существуют на Украине, в Грузии, в Татарии. На Украине готовится трехтомный учебник истории украинской литературы. Задуманы и уже подготовлены такие же издания в Арmenии, Азербайджане, Узбекистане, Белоруссии, даже в ряде автономных республик. Появились сборники историко-литературных и критических статей.

Беда, однако, заключается в том, что все это делается крайне медленно. Мы никак не научимся ставить эти дела под общественный контроль, который мог бы воздействовать на работу, оживить ее. Управление критических секций при союзах писателей означает, что критик и литераторы не должны вплотную заниматься судьбами писателей в целом, как общественно-творческие организации. Это значит, что создание истории советских литераторов также должно находиться под общественным контролем союзов писателей.

Хотя создаваемые в республиках литературные научно-исследовательские институты входят обычно в свой состав национальные кадры критиков и литераторов — членов Союза писателей, на практике возникает часто разрыв между работой критика и литератора как члена Союза писателей и как научного работника литературного института. Отсюда необходимость — паше литературные научно-исследовательские институты теснейшим образом связывать с работой союзов писателей. Как может любой наш институт литературы существовать оторванным от практического проблем и задач, выдвигаемых литературной жизнью? Проведение юбилеев классиков, вопросы классического наследия, проблемы формирования литературного языка, наконец, общие задачи усиления путей развития современной литературы — все эти вопросы в равной мере, хотя и под разными углами зрения, составляют содержание работы и союзов писателей и научно-исследовательских институтов. Здесь интересы научных учреждений и союзов писателей переплетаются. На деле же часто наблюдается обратное: распыленность и разобщенность кадров.

Вплотную стал уже вопрос о создании марксистских книг по истории литературы народов, недавно воссоединенных с СССР. Два с лишним десятилетия народы Прибалтики, молдавский народ, в известной части финской, народы западных областей Украины и Белоруссии были против их воли оторваны от русской культуры, с которой были исторически связаны. Буржуазные литераторы неизменно постарались за эти два десятилетия, чтобы исказить историческую правду, очеркнуть русскую и советскую культуру; «переорентировать на Запад», в интересах западной буржуазии, свои литературы. Нам надо восстановить историческую истину. Известно, что в Литве, Латвии, Эстонии, в так называемом «царстве Польском» развивалась в условиях старой России своя литература, были свои литературные традиции, талантливые писатели-реалисты.

История литературы народов СССР должна дать подлинно научную картину литературного процесса, как многостороннеюго исторического явления, включающего все виды словесного и письменного творчества. Это — важнейшее дело советской культуры, трудность и размах которого никак нельзя недооценить. Оно требует концентрации сил наших научных и литературных кадров, лучшей организации самой работы научных учреждений и союзов писателей, и уж ни в коем случае не должно быть подвергнуто стихийности, самотеку. Внимание общественности — это первостепенный фактор, помогающий решать крупные общегосударственные, народные дела. Такое внимание и помощь, активная, действенная, должны быть оказаны в создании истории литературы народов СССР, ибо это действительно большое народное дело.

С приветствиями национальным лауреатам П. Тычине и А. Корнейчуку выступили писатели П. Панч, И. Кочерга, Е. Бровецкий и Ю. Мартин.

С вдохновенными речами на митинге выступили Павло Тычин и Александр Корнейчук. Они говорили о большом празднике в их жизни, о готовности еще активнее служить своим творчеством советскому народу, великой коммунистической партии.

На митинге состоялся митинг, посвященный присуждению Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы.

С приветствиями национальным лауреатам П. Тычине и А. Корнейчуку выступили писатели П. Панч, И. Кочерга, Е. Бровецкий и Ю. Мартин.

С вдохновенными речами на митинге выступили Павло Тычин и Александр Корнейчук. Они говорили о большом празднике в их жизни, о готовности еще активнее служить своим творчеством советскому народу, великой коммунистической партии.

На митинге состоялся митинг, посвященный присуждению Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы.

На митинге состоялся митинг, посвященный присуждению Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы.

На митинге состоялся митинг, посвященный присуждению Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы.

На митинге состоялся митинг, посвященный присуждению Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы.

На митинге состоялся митинг, посвященный присуждению Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы.

На митинге состоялся митинг, посвященный присуждению Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы.

На митинге состоялся митинг, посвященный присуждению Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы.

На митинге состоялся митинг, посвященный присуждению Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы.

Праздник советской культуры

На московском собрании писателей

Двадцать четыре мастера прозы, поэзии, драматургии и критики награждены Советом Народных Комиссаров СССР Сталинской премией первой и второй степеней.

Родственный праздник советской литературы был отмечен торжественным собранием московских писателей, состоявшимся в клубе 19 марта. Приветствующими горячими эпосами сталинские лауреаты — А. Толстой, С. Сергеев-Ценский, Б. Тренев, И. Поголин, Н. Вирта, С. Михалков, А. Твардовский, В. Соловьев и П. Нилин — запели места в президиуме.

Открытие собрания, А. Фадеев сказал, что награждение людей, отдающих свою жизнь, талант и труд на преобразование и улучшение жизни нашего народа, является особенно замечательным в дни, когда капиталистические страны ввергнуты в разрушительную кровавую мировую войну. Это награждение не только отвечает успехам талантливых деятелей науки и искусства за последние 6—7 лет, но является в то же время и программой нашей дальнейшей работы.

Наряду с мастерами, прошедшими большой творческий путь, награждены молодые писатели, проявившие себя за последние десятилетия, люди самых разнообразных жанров и видов литературного труда — от создателей монументальных эпопеи до авторов массовых поэм. Парты и правительство отметили людей, произведения которых имеют громкий, общественный резонанс, эти произведения патриотичны, они служат запитию нашего социалистического отечества, служат освобождению человечества от ярма капитализма и прославляют нацию родину. В этом большой политический смысл награждения.

Тов. Фадеев закончил свое выступление благодарностью патриотам и правительству за величайшее внимание к искусству счастья и здоровья Стalinу, выразивши горячую овацию собрания.

ИТОГ МНОГОЛЕТНЕЙ РАБОТЫ

Слово предоставляется автору эпоса «Севастопольская страда» С. Сергееву-Ценскому.

— Я еда ли не старейший из стalinских лауреатов, — сказал он. — я как старейший я хочу прежде всего взглянуть на прошлую жизнь писателей. Мы жили разрозненно, по клочкам, разбросанным редакциями соперничавшими между собой журналов. У нас не было и не могло быть общих писательских интересов.

Теперь же, в стране социализма, как писатель-художник я прежде всего чувствую, что на меня смотрят вся страна, меня читают все. Не только подиличики этого журнала, в каком я печатаюсь. Это придает мне очень большую энергию, и я чувствую твердую почву под ногами.

И сейчас, когда подводится итог моего творческого пути, я прежде всего взгляну на писателей, которые сложат запитию нашего социалистического отечества, на писателей, которые сложат запитию нашего народа о том, чтобы за 15-летний срок мы вышли на первое место в мире по всем экономическим показателям.

Мы должны выполнить этот паказ, и мы его выполним, это так же несомненно, как три предыдущие стalinские патицитетки.

Сталинская премия это — фазел эстафеты на величественном, неподъемном и несъхимом в истории пути Советского Союза, нашем пути к коммунизму.

Настоящему собранию рапорт о работе, которую я должен выполнить в 1941 году:

К маю закончить роман «Хмурое утро» — третью книгу трилогии «Хождение по мукам».

К осени — написать пьесу «Иоанн Грозный».

С осени этого года начать третье книгу трилогии «Петр I» с тем, чтобы закончить ее в 1942 году.

Да здравствует вдохновитель нашего советского творчества товарищ Сталин!

*

Под бурные аплодисменты собрания пришло приветствие товарищам Стalinу и Молотову, в котором говорится: «Всеми своими достижениями, всем, что есть передового, сильного и прекрасного в партии и правительству, обратившим на меня внимание, и непосредственно к патриотическому народу о том, чтобы за 15-летний срок мы вышли на первое место в мире по всем экономическим показателям».

Настоящему собранию рапорт о работе, которую я должен выполнить в 1941 году:

К маю закончить роман «Хмурое утро» — третью книгу трилогии «Хождение по мукам».

К осени — написать пьесу «Иоанн Грозный».

С осени этого года начать третье книгу трилогии «Петр I» с тем, чтобы закончить ее в 1942 году.

Да здравствует вдохновитель нашего советского творчества товарищ Сталин!

*

Под бурные аплодисменты собрания пришло приветствие товарищам Стalinу и Молотову, в котором говорится: «Всеми своими достижениями, всем, что есть передового, сильного и прекрасного в партии и правительству, обратившим на меня внимание, и непосредственно к патриотическому народу о том, чтобы за 15-летний срок мы вышли на первое место в мире по всем экономическим показателям».

Настоящему собранию рапорт о работе, которую я должен выполнить в 1941 году:

К маю закончить роман «Хмурое утро» — третью книгу трилогии «Хождение по мукам».

К осени — написать пьесу «Иоанн Грозный».

С осени этого года начать третье книгу трилогии «Петр I» с тем, чтобы закончить ее в 1942 году.

Да здравствует вдохновитель нашего советского творчества товарищ Сталин!

*

Под бурные аплодисменты собрания пришло приветствие товарищам Стalinу и Молотову, в котором говорится: «Всеми своими достижениями, всем, что есть передового, сильного и прекрасного в партии и правительству, обратившим на меня внимание, и непосредственно к патриотическому народу о том, чтобы за 15-летний срок мы вышли на первое место в мире по всем экономическим показателям».

Настоящему собранию рапорт о работе, которую я должен выполнить в 1941 году:

К маю закончить роман «Хмурое утро» — третью книгу трилогии «Хождение по мукам».

К осени — написать пьесу «Иоанн Грозный».

С осени этого года начать третье книгу трилогии «Петр I» с тем, чтобы закончить ее в 1942 году.

Да здравствует вдохновитель нашего советского творчества товарищ Сталин!

*

Под бурные аплодисменты собрания пришло приветствие товарищам Стalinу и Молотову, в котором говорится: «Всеми своими достижениями, всем, что есть передового, сильного и прекрасного в партии и правительству, обратившим на меня внимание, и непосредственно к патриотическому народу о том, чтобы за 15-летний срок мы вышли на первое место в мире по всем экономическим показателям».

Настоящему собранию рапорт о работе, которую я должен выполнить в 1941 году:

К маю закончить роман «Хмурое утро» — третью книгу трилогии «Хождение по мукам».

К осени — написать пьесу «Иоанн Грозный».

С осени этого года начать третье книгу трилогии «Петр I» с тем, чтобы закончить ее в 1942 году.

Да здравствует вдохновитель нашего советского творчества товарищ Сталин!

*

Под бурные аплодисменты собрания пришло приветствие товарищам Стalinу и Молотову, в котором говорится: «Всеми своими достижениями, всем, что есть передового, сильного и прекрасного в партии и правительству, обратившим на меня внимание, и непосредственно к патриотическому народу о том, чтобы за 15-летний срок мы вышли на первое место в мире по всем экономическим показателям».

Настоящему собранию рапорт о работе, которую я должен выполнить в 1941 году:

К маю закончить роман «Хмурое утро» — третью книгу трилогии «Хождение по мукам».

К осени — написать пьесу «Иоанн Грозный».

С осени этого года начать третье книгу трилогии «Петр I» с тем, чтобы закончить ее в 1942 году.

Да здравствует вдохновитель нашего советского творчества товарищ Сталин!

*

Под бур

М. Е. ВИРТА

Б. М. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

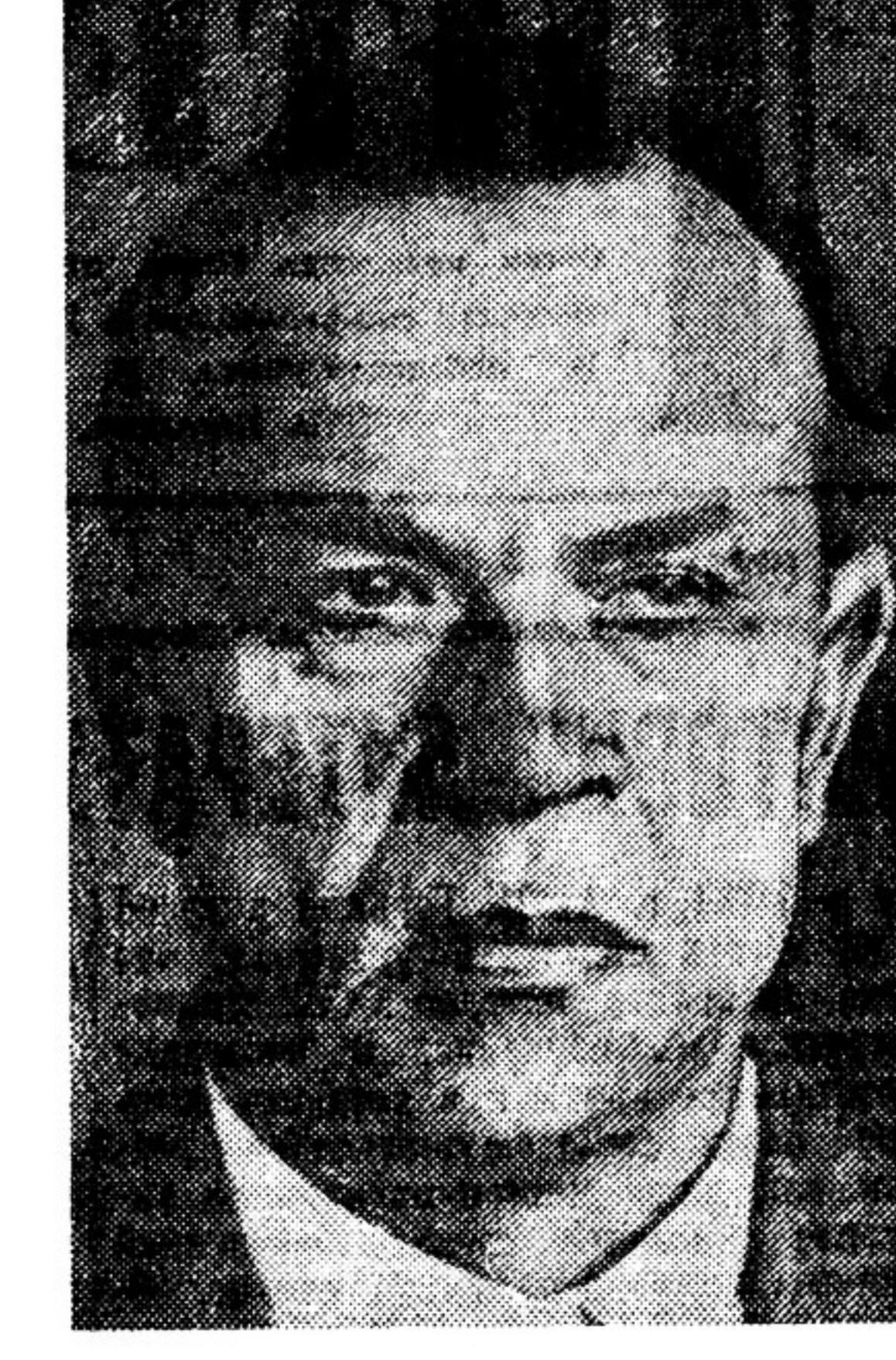
Г. Н. ЛЕОНІДЗЕ

С. В. МИХАЛКОВ

А. Т. ТВАРДОВСКИЙ

К. К. КРАВЧЕНКО

М. ЗЕНКЕВИЧ

Джамбул Джабаев

Сам Джамбул очень хорошо сказал о себе:

Джамбул — это имя простое мое,

Народ — настоящее имя мое.

Песни Джамбула — это песни казахского народа, перенесенного Великих Октябрьских на много столетий вперед из мира кочевого родового быта в светлыи мир социализма.

Казахский народ — один из самых поэтически одаренных, «несенных» народов в мире. Песни у казахов настолько крепко связана со всем укладом жизни, что трудно пропустить границу между поэзией и бытом. Каждый народный певец-акын несет в своих песнях богатое наследие прошлого, переданное с голоса от своих учителей — аkyнами предшествующего поколения. Вместе с тем казахские аkyны являются в значительной мере певцами-импровизаторами. Песни аkyны, однажды спеты, повторяются в другой раз в измененном виде, меняется, варьируется способом с обстоятельствами.

У казахов выработалась лажа особая форма поэтического сознания — «айтысы», на котором два соперника-акын состязаются в остроумии и находчивости и импровизируют на заданные друг другу темы. Победителем признается наиболее гибкий и талантливый импровизатор.

Джамбул не раз еще до революции выступал на айтысах оказывалась перед зрителями в трудном поэтическом единоборстве с импровизаторами противниками. До нас дошли записи двух таких айтысов. Один происходил в г. Верном в 1895 году между Джамбулом и Сарбасом. Уже в этом айтысе проявился кинущий боевой темпера-рамент Джамбула. В ответ на похвальную Сарбаса боями и беками своего рода Джамбул воспел представителя своего рода — воина Саурыма, который сражался за народ, поняв, что «он честца одна того, что есть казахский народ».

Наш казахский народ во мне,

К белой шапке своей, Сарбас,

Знамя народа я призвал!

(Перевод И. Сельвинского).

Еще более показательны другие айтысы, происходивший при большом стечении народа в 1902 году между Джамбулом и муладом Досмагамбетом. Похвались богатствами своего рода, мулада Досмагамбет укорил Джамбула в бедности.

На эти вопросы бедность Джамбул ответил с достоинством, как подлинный народный и талантливый импровизатор.

Богатство создает народ;

Его богатство у меня.

Его язык в стихе поет,

Богатство слова у меня.

А конец песни Джамбула на этом айтысе звучал, как предсказание о близкой победе народа и о расправе его над своими угнетателями:

Кипящий гнев мой народ

Принялся держать совет —

Из него батыр придет!

Всю грязь земли рекой снесет.

Народа бояр герой сметет,

Все облака грязи снесет.

(Перевод А. Ромма).

Смелые песни Джамбула были настолько убедительны, что ему было присуждено победы над знатными и богатыми противниками.

Эти два айтыса показывают, что еще до революции Джамбул пользовалась большой популярностью среди народа. Однажды, несмотря на свою известность, Джам-

бул приходилось жить в бедности и унижении. Об этом времени сам Джамбул вспоминает и рассказывает в своих песнях:

Ветром жизни суровый гоним,
Я бродил по стени родным,
То плелся на осле верхом,
То тащился, как инцидент, пешком...
Но почетом встречала меня,
Робко встреченым кланялся я,
Бородой касаясь седла,
Про себя плачущий клянья!

(Перевод М. Зенкевича).

Последние годы перед революцией провел орел казахской народной поэзии в сумрачном молчании, — казалось, что песни его окончены. Но социалистическая песнь на свой преклонный возраст, по-новому слышимо и быстро откликается на любопытные темы. В этом сказывается боевой залог старого победителя на айтысах.

Джамбул теперь не одинок. Вокруг царя, как подле высокой седоголовой вершины, группируются казахские народные аkyны: девастогимет Доскея, Нурикес, Керимбек, Керен, Нартай, Нурлыбек и другие.

В текущем году Джамбулу исполнилось 95 лет, но старый поевец по-прежнему поет о станичной весне:

И со сбору золотой
Подадим скакуна под седлом,
Он быстрее ветра летит,
И гудят земли от конят.

Приезжай к нам, Сталин, на той —

В гости тебе зовет

Весь казахский народ.

(Перевод М. Зенкевича).

В боевых песнях Джамбула, наряду с гражданским пафосом, много лиризма и теплоты. Поразительная продуктивность и творческая энергия Джамбула, которых несомненно на свой преклонный возраст, по-новому слышимо и быстро откликается на любопытные темы. В этом сказывается боевой залог старого победителя на айтысах.

Джамбул теперь не одинок. Вокруг царя, как подле высокой седоголовой вершины, группируются казахские народные аkyны: девастогимет Доскея, Нурикес, Керимбек, Керен, Нартай, Нурлыбек и другие.

В текущем году Джамбулу исполнилось 95 лет, но старый поевец по-прежнему поет о станичной весне:

И со сбору золотой
Подадим скакуна под седлом,
Он быстрее ветра летит,
И гудят земли от конят.

Приезжай к нам, Сталин, на той —

В гости тебе зовет

Весь казахский народ.

(Перевод М. Зенкевича).

В боевых песнях Джамбула, наряду с гражданским пафосом, много лиризма и теплоты. Поразительная продуктивность и творческая энергия Джамбула, которых несомненно на свой преклонный возраст, по-новому слышимо и быстро откликается на любопытные темы. В этом сказывается боевой залог старого победителя на айтысах.

Джамбул теперь не одинок. Вокруг царя, как подле высокой седоголовой вершины, группируются казахские народные аkyны: девастогимет Доскея, Нурикес, Керимбек, Керен, Нартай, Нурлыбек и другие.

В текущем году Джамбулу исполнилось 95 лет, но старый поевец по-прежнему поет о станичной весне:

И со сбору золотой
Подадим скакуна под седлом,
Он быстрее ветра летит,
И гудят земли от конят.

Приезжай к нам, Сталин, на той —

В гости тебе зовет

Весь казахский народ.

(Перевод М. Зенкевича).

В боевых песнях Джамбула, наряду с гражданским пафосом, много лиризма и теплоты. Поразительная продуктивность и творческая энергия Джамбула, которых несомненно на свой преклонный возраст, по-новому слышимо и быстро откликается на любопытные темы. В этом сказывается боевой залог старого победителя на айтысах.

Джамбул теперь не одинок. Вокруг царя, как подле высокой седоголовой вершины, группируются казахские народные аkyны: девастогимет Доскея, Нурикес, Керимбек, Керен, Нартай, Нурлыбек и другие.

В текущем году Джамбулу исполнилось 95 лет, но старый поевец по-прежнему поет о станичной весне:

И со сбору золотой
Подадим скакуна под седлом,
Он быстрее ветра летит,
И гудят земли от конят.

Приезжай к нам, Сталин, на той —

В гости тебе зовет

Весь казахский народ.

(Перевод М. Зенкевича).

В боевых песнях Джамбула, наряду с гражданским пафосом, много лиризма и теплоты. Поразительная продуктивность и творческая энергия Джамбула, которых несомненно на свой преклонный возраст, по-новому слышимо и быстро откликается на любопытные темы. В этом сказывается боевой залог старого победителя на айтысах.

Джамбул теперь не одинок. Вокруг царя, как подле высокой седоголовой вершины, группируются казахские народные аkyны: девастогимет Доскея, Нурикес, Керимбек, Керен, Нартай, Нурлыбек и другие.

В текущем году Джамбулу исполнилось 95 лет, но старый поевец по-прежнему поет о станичной весне:

И со сбору золотой
Подадим скакуна под седлом,
Он быстрее ветра летит,
И гудят земли от конят.

Приезжай к нам, Сталин, на той —

В гости тебе зовет

Весь казахский народ.

(Перевод М. Зенкевича).

В боевых песнях Джамбула, наряду с гражданским пафосом, много лиризма и теплоты. Поразительная продуктивность и творческая энергия Джамбула, которых несомненно на свой преклонный возраст, по-новому слышимо и быстро откликается на любопытные темы. В этом сказывается боевой залог старого победителя на айтысах.

Джамбул теперь не одинок. Вокруг царя, как подле высокой седоголовой вершины, группируются казахские народные аkyны: девастогимет Доскея, Нурикес, Керимбек, Керен, Нартай, Нурлыбек и другие.

В текущем году Джамбулу исполнилось 95 лет, но старый поевец по-прежнему поет о станичной весне:

И со сбору золотой
Подадим скакуна под седлом,
Он быстрее ветра летит,
И гудят земли от конят.

Приезжай к нам, Сталин, на той —

В гости тебе зовет

Весь казахский народ.

(Перевод М. Зенкевича).

В боевых песнях Джамбула, наряду с гражданским пафосом, много лиризма и теплоты. Поразительная продуктивность и творческая энергия Джамбула, которых несомненно на свой преклонный возраст, по-новому слышимо и быстро откликается на любопытные темы. В этом сказывается боевой залог старого победителя на айтысах.

Джамбул теперь не одинок. Вокруг царя, как подле высокой седоголовой вершины, группируются казахские народные аkyны: девастогимет Доскея, Нурикес, Керимбек, Керен, Нартай, Нурлыбек и другие.

В текущем году Джамбулу исполнилось 95 лет, но старый поевец по-прежнему поет о станичной весне:

И со сбору золотой
Подадим скакуна под седлом,
Он быстрее ветра летит,
И гудят земли от конят.

Приезжай к нам, Сталин, на той —

В гости тебе зовет

Весь казахский народ.

(Перевод М. Зенкевича).

В боевых песнях Джамбула, наряду с гражданским пафосом, много лиризма и теплоты. Поразительная продуктивность и творческая энергия Джамбула, которых несомненно на свой преклонный возраст, по-новому слышимо и быстро откликается на любопытные темы. В этом сказывается боевой залог старого победителя на айтысах.

Джамбул теперь не одинок. Вокруг царя, как подле высокой седоголовой вершины, группируются казахские народные аkyны: девастогимет Доскея, Нурикес, Керимбек, Керен, Нартай, Нурлыбек и другие.

В текущем году Джамбулу исполнилось 95 лет, но старый поевец по-прежнему поет о станичной весне:

И со сбору золотой
Подадим скакуна под седлом,
Он быстрее ветра летит,
И гудят земли от конят.

Приезжай к нам, Сталин, на той —

В гости тебе зовет

Весь казахский народ.

(Перевод М. Зенкевича).

В боевых песнях Джамбула, наряду с гражданским пафосом, много лиризма и теплоты. Поразительная продуктивность и творческая энергия Джамбула, которых несомненно на свой преклонный возраст, по-новому слышимо и быстро откликается на любопытные темы. В этом сказывается боевой залог старого победителя на айтысах.

Джамбул теперь не одинок. Вокруг царя, как подле высокой седоголовой вершины, группируются казахские народные аkyны: девастогимет Доскея, Нурикес, Керимбек, Керен, Нартай, Нурлыбек и другие.

В текущем году Джамбулу исполнилось 95 лет, но старый поевец по-прежнему поет о станичной весне:

И со сбору золотой
Подадим скакуна под седлом,
Он быстрее ветра летит,
И гудят земли от конят.

</

В. А. СОЛОВЬЕВ

А. Я. КАПЛЕР

П. А. ПАВЛЕНКО

П. Ф. НИЛИН

ПЕВЕЦ ЧУВАШИИ С. ЭЛЬГЕР

В марте этого года чувашский народ празднует двадцатилетие литературной деятельности своего виднейшего поэта — Семена Васильевича Эльгера.

С. В. Эльгер родился в 1894 году в бедной чувашской семье. Окончив сельскую школу, будущий поэт не имел возможности продолжать свое образование. 18-летним юношей, в 1913 году, Эльгер призывается в царскую армию, затем отправляется в фронт, получает тяжелое ранение, попадает в плен, откуда изврашается только в 1916 году.

Тотчас после революции С. В. Эльгер, воюючи вспомогатель и переживший все ужасы царского режима, с огромной энергией включается в общественно-политическую работу на селе. Он — председатель комбода, член волостного исполнкома, и т. д.

К этому времени относится его первые литературные опыты. Начал он с небольших стихов, проникнутых памятной певизностью в империалистических войнах, гнету и произволу царских сатрапов, горячей любовью ко всему новому, живому, светлому. В стихах о новом мире поэт призывают на борьбу из стечье социалистическое будущее. Обращаясь к чувашскому народу в день образования чувашской автономии, поэт пишет:

«Чуваш, чуваши! Трудной дорогой ты вилеп прошелся, трудной дорогой на светлый большин исторический».

— Да, — скажешь ты гордо — сегодня мно ясно,

Что сюда свободы я ждал не напрасно.

Стихи первого периода творческого развития поэта впоследствии были обединены в сборнике «Самадан» («Эпоха»), который стал одной из любимых книг чувашского народа.

В 1923—1924 гг. Семен Васильевич со-

зывает историческую поэму «Под гнетом», в которой большая художественная силой показал рабское, бесправное положение чувашских тружеников в период колонизации чуваш. Эта поэма, вернее роман в стихах, тут же стала настольной книгой каждого грамотного чуваша. Книга за короткий срок выдержала три издания. В 1940 году поэма была эпиграфирована автором и с неслабавшим успехом идет сейчас в Чувашском Академическом театре.

Вслед за этим С. В. Эльгер пишет роман-хронику «В дни войны» — об ужасах империалистической войны, о росте классового самосознания русских солдат, о борьбе большевиков за превращение войны империалистической в войну гражданскую. В 1940 году появляется другое крупное произведение Эльгера — роман «На заре» — об борьбе чувашских тружеников за землю в период 1905—1907 гг.

Сейчас поэт закончен роман о новой чувашской интеллигенции.

За выдающиеся заслуги в деле со-зда-

ния и развития чувашской художественной литературы Указом Президиума Верховного Совета Чувашской АССР от 23 июня 1940 года С. В. Эльгеру присвоено звание народного поэта Чувашской АССР.

20-летие творческой деятельности

С. В. Эльгера — радостная дата в литературной жизни Чувашии.

А. ЭХЕЛЬ, Л. АГАКОВ

Александр ДРОЗДОВ

Сила традиции

Исторические романы вызывают в жизни стремлением познать наше прошлое, увидеть в настоящем его лучшие традиции, проследить пути развития общества и государства, воссоздать образы великих сынов народов.

Исторических романов у нас мало.

Убеждение в том, что их угрожают многое, вызвано явным заблуждением. Много авторов, борющихся за исторические темы, но что выходят часто из под их пера?

Бездумные, иногда грамотные, иногда же безграмотные поколения. А худшая часть этих поколений не что иное, как спекуляция на читательском интересе к истории (так в свое время процветала скептическая литература в интересе к мемуарам).

Вот таких «романов», действительно, много! Стильном ритме они пишутся. И так бойко читаются, так бесподобно тонут в заблуждении!

Конечно, появление ремесленных романов не может не тревожить литературу, поскольку пока ее засоряется худой травой. Кроме того, ремесленная литература, вооруженная виличностью четного метода, способна вымазать на молодых несостоявшихся писателей, сбивая их с верной дороги.

В очень большой степени от такого влияния не уберегся Г. Кунгуров в своей повести «Путешествие в Китай». Это очевидно. Повесть написана с неподкупным интересом к теме. В ней рассказывается о первых походах Руси захватывать с Китаем. Роман, странной познамен и устрашающей своей силой.

Иофей Сабуров входит в повесть, как покоритель народов и добмычка парской казни. Царевы ставленники предпочитают разговаривать с ним плащами. Иофей выступил на их крыши красного петуха, и с тех пор «покетеля судьба Иофея по ветру, как лист на дереве».

Но это совсем не так. Совсем не как

дымом по ветру. Человек тугой и собранной силы, к тому же воли, целеустремленной, светлой, человек бесшабашной храбрости.

Иофей собирает вокруг себя предпримчивых людей и с ними идет на освоение небесных земель, богатых зверем. Ему сопутствует верная подруга Степанида. Плохие приходят вовсю в Китай. Казакам приходится воевать с природой, явившейся в виде гор, рек, болот, лесов, сильных штормов, с тунгусскими князьями, и с китайцами, и с царскими воеводами, которые почитают казаков за изменников. Но царские слугами московского царя, Никоном, ярофеевская вольница зажалывает на Амуре крепость Албазин. Китайцы ведут долгую осаду, в крепости — головы, больной урон в людях, силы слишком неравны. В одной из высылок потирает Иофей, тело его уносит Степанида и прерывает.

Г. Кунгуров. «Путешествие в Китай». Иркутское областное издательство. 1940 г.

Г. Кунгуров. «Путешествие в Китай». Иркутское областное издательство. 1940 г.

А. АДАЛИС

Синтезируются в едином мощном поэтическом организме, полном шекспировских чувств и противоречий, — тогда перед глазами возникают лирические автобиографии полиномных поэтов-литераторов; либо же эти различные характеристики, различные лирические монологи, различные лирические герои действуют разобщенно, то сливаясь, — тогда голос поэта зачастую фальшивит, рождаются книги неподцененные; они редко бывают живучими не только в поэзии, но и в современности. «Лебедь, рак и пушка» разыгрывают ткань поэтической жизни. Единство в многообразии — обязательное условие жизни и живучести поэтических произведений.

В творчестве Долматовского нет несогласных элементов. Одни и тот же лирический характер предстает перед читателем в стихах с первой юношеской любовью, — тогда голос поэта зачастую фальшивит, — тогда голос поэта зачастую фальшивит, рождаются книги неподцененные; они редко бывают живучими не только в поэзии, но и в современности. «Лебедь, рак и пушка» разыгрывают ткань поэтической жизни. Единство в многообразии — обязательное условие жизни и живучести поэтических произведений.

В творчестве Долматовского нет несогласных элементов. Одни и тот же лирический характер предстает перед читателем в стихах с первой юношеской любовью, — тогда голос поэта зачастую фальшивит, — тогда голос поэта зачастую фальшивит, рождаются книги неподцененные; они редко бывают живучими не только в поэзии, но и в современности. «Лебедь, рак и пушка» разыгрывают ткань поэтической жизни. Единство в многообразии — обязательное условие жизни и живучести поэтических произведений.

Поэтому-то и встает с особой остротой вопрос, каково поэтическое действие этих стихов? Достаточно ли высоко их качеств? Ведь широко известные строфы и строчки, помимо чисто эмоционального действия, должны еще воспитывать поэтический вкус многих тысяч молодых читателей. Это — обязательство, лежащее на всяком поэте, достаточно популярном.

Выясняется с новой, последней по времени книге поэта-современника, всегда следует, по-моему, вспомнить в прельзы его книжки.

В нашей подъемной и быстрой жизни мы не мыслим ни одного явления вне его динамики: понятие роста, изменения, различия лежит в основе всех наших суждений о событиях и вещах. Говоря поэтически, нельзя опустить вопрос о его росте и совершенствовании, а также о развитии его основной, лейтмотивной темы.

Автор «Дня», «Дальневосточных стихов» и «Трех времен гома» — поэт одновременно лирического героя, одного авторского характера. Существуют книги стихов, где характеров много. Эти характеры либо

синтезируются в едином мощном поэтическом организме, полном шекспировских чувств и противоречий, — тогда перед

глазами возникают лирические автобиографии полиномных поэтов-литераторов; либо же

эти различные характеристики, различные лирические монологи, различные лирические герои действуют разобщенно, то сливаясь, — тогда голос поэта зачастую фальшивит, — тогда голос поэта зачастую фальшивит, рождаются книги неподцененные; они редко бывают живучими не только в поэзии, но и в современности. «Лебедь, рак и пушка» разыгрывают ткань поэтической жизни. Единство в многообразии — обязательное условие жизни и живучести поэтических произведений.

В творчестве Долматовского нет несогласных элементов. Одни и тот же лирический характер предстает перед читателем в стихах с первой юношеской любовью, — тогда голос поэта зачастую фальшивит, — тогда голос поэта зачастую фальшивит, рождаются книги неподцененные; они редко бывают живучими не только в поэзии, но и в современности. «Лебедь, рак и пушка» разыгрывают ткань поэтической жизни. Единство в многообразии — обязательное условие жизни и живучести поэтических произведений.

В творчестве Долматовского нет несогласных элементов. Одни и тот же лирический характер предстает перед читателем в стихах с первой юношеской любовью, — тогда голос поэта зачастую фальшивит, — тогда голос поэта зачастую фальшивит, рождаются книги неподцененные; они редко бывают живучими не только в поэзии, но и в современности. «Лебедь, рак и пушка» разыгрывают ткань поэтической жизни. Единство в многообразии — обязательное условие жизни и живучести поэтических произведений.

В творчестве Долматовского нет несогласных элементов. Одни и тот же лирический характер предстает перед читателем в стихах с первой юношеской любовью, — тогда голос поэта зачастую фальшивит, — тогда голос поэта зачастую фальшивит, рождаются книги неподцененные; они редко бывают живучими не только в поэзии, но и в современности. «Лебедь, рак и пушка» разыгрывают ткань поэтической жизни. Единство в многообразии — обязательное условие жизни и живучести поэтических произведений.

В творчестве Долматовского нет несогласных элементов. Одни и тот же лирический характер предстает перед читателем в стихах с первой юношеской любовью, — тогда голос поэта зачастую фальшивит, — тогда голос поэта зачастую фальшивит, рождаются книги неподцененные; они редко бывают живучими не только в поэзии, но и в современности. «Лебедь, рак и пушка» разыгрывают ткань поэтической жизни. Единство в многообразии — обязательное условие жизни и живучести поэтических произведений.

В творчестве Долматовского нет несогласных элементов. Одни и тот же лирический характер предстает перед читателем в стихах с первой юношеской любовью, — тогда голос поэта зачастую фальшивит, — тогда голос поэта зачастую фальшивит, рождаются книги неподцененные; они редко бывают живучими не только в поэзии, но и в современности. «Лебедь, рак и пушка» разыгрывают ткань поэтической жизни. Единство в многообразии — обязательное условие жизни и живучести поэтических произведений.

В творчестве Долматовского нет несогласных элементов. Одни и тот же лирический характер предстает перед читателем в стихах с первой юношеской любовью, — тогда голос поэта зачастую фальшивит, — тогда голос поэта зачастую фальшивит, рождаются книги неподцененные; они редко бывают живучими не только в поэзии, но и в современности. «Лебедь, рак и пушка» разыгрывают ткань поэтической жизни. Единство в многообразии — обязательное условие жизни и живучести поэтических произведений.

В творчестве Долматовского нет несогласных элементов. Одни и тот же лирический характер предстает перед читателем в стихах с первой юношеской любовью, — тогда голос поэта зачастую фальшивит, — тогда голос поэта зачастую фальшивит, рождаются книги неподцененные; они редко бывают живучими не только в поэзии, но и в современности. «Лебедь, рак и пушка» разыгрывают ткань поэтической жизни. Единство в многообразии — обязательное условие жизни и живучести поэтических произведений.

В творчестве Долматовского нет несогласных элементов. Одни и тот же лирический характер предстает перед читателем в стихах с первой юношеской любовью, — тогда голос поэта зачастую фальшивит, — тогда голос поэта зачастую фальшивит, рождаются книги неподцененные; они редко бывают живучими не только в поэзии, но и в современности. «Лебедь, рак и пушка» разыгрывают ткань поэтической жизни. Единство в многообразии — обязательное условие жизни и живучести поэтических произведений.

В творчестве Долматовского нет несогласных элементов. Одни и тот же лирический характер предстает перед читателем в стихах с первой юношеской любовью, — тогда голос поэта зачастую фальшивит, — тогда голос поэта зачастую фальшивит, рождаются книги неподцененные; они редко бывают живучими не только в поэзии, но и в современности. «Лебедь, рак и пушка» разыгрывают ткань поэтической жизни. Единство в многообразии — обязательное условие жизни и живучести поэтических произведений.

В творчестве Долматовского нет несогласных элементов. Одни и тот же лирический характер предстает перед читателем в стихах с первой юношеской любовью, — тогда голос поэта зачастую фальшивит, — тогда голос поэта зачастую фальшивит, рождаются книги неподцененные; они редко бывают живучими не только в поэзии, но и в современности. «Лебедь, рак и пушка» разыгрывают ткань поэтической жизни. Единство в многообразии — обязательное условие жизни и живучести поэтических произведений.

В творчестве Долматовского нет несогласных элементов. Одни и тот же лирический характер предстает перед читателем в стихах с первой юношеской любовью, — тогда голос поэта зачастую фальшивит, — тогда голос поэта зачастую фальшивит, рождаются книги неподцененные; они редко бывают живучими не только в поэзии, но и в современности. «Лебедь, рак и пушка» разыгрывают ткань поэтической жизни. Единство в многообразии — обязательное условие жизни и живучести поэтических произведений.

В творчестве Долматовского нет несогласных элементов. Одни и тот же лирический характер предстает перед читателем в стихах с первой юношеской любовью, — тогда голос поэта зачастую фальшивит, — тогда голос поэта зачастую фальшивит, рождаются книги неподцененные; они редко бывают живучими не только в поэзии, но и в современности. «Лебедь, рак и пушка» разыгрывают ткань поэтической жизни. Единство в многообразии — обязательное условие жизни и живучести поэтических произведений.

В творчестве Долматовского нет несогласных элементов. Одни и тот же лирический характер предстает перед читателем в стихах с первой юношеской любовью, — тогда голос поэта зачастую фальшивит, — тогда голос поэта зачастую фальшивит, рождаются книги неподцененные; они редко бывают живучими не только в поэзии, но и в современности. «Лебедь, рак и пушка» разыгрывают ткань поэтической жизни. Единство в многообразии — обязательное условие жизни и живучести поэтических произведений.

В творчестве Долматовского нет несогласных элементов. Одни и тот же лирический характер предстает перед читателем в стихах с первой юношеской любовью, — тогда голос поэта зачастую фальшивит, — тогда голос поэта зачастую фальшивит, рождаются книги неподцененные; они редко бывают живучими не только в поэзии, но и в современности. «Лебедь, рак и пушка» разыгрывают ткань поэтической жизни. Единство в многообразии — обязательное условие жизни и живучести поэтических произведений.

В творчестве Долматовского нет несоглас

Обсуждение книги Н. Емельяновой и произведений А. Яшина

Дневник первого дня

Творческая конференция московских писателей, организованная президентом СССР, открылась 15 марта.

Конференция эта должна положить начало систематическим коллективным обсуждениям творчества советских писателей.

Первый день конференции был посвящен обсуждению повести Н. Емельяновой «В Уссурийской тайге», напечатанной в журнале «Красная новь». Доклад об этой повести сделал А. Федоров. Кроме писателя, стендограммы выступлений которых мы печатаем ниже, в обсуждении участвовала также: председательствующий на собрании А. Фадеев, Д. Данин, И. Меньшиков, В. Ковалевский и С. Бондарин.

Среди многих вопросов, возникших на заседании конференции, один вопрос занимал особенно часто: являются ли поэзия Н. Емельяновой произведениями писателя-профессионала или это заявки специалиста, бывшего человека, чей дальнейший литературный путь еще не определен.

— Почему мы все говорим, что Емельянова — не профессиональный писатель, — спрашивает писатель. — Только потому, что и автор и герой ее произведения, от имени которого ведется повествование, — геологи. Других поводов говорить о литературной неискусственности Емельяновой книги не дает. Когда читается ее, то видно, что написана она настоящими художниками.

В «Записках геолога» есть обективная полемика с некоторыми тоже реалистическими произведениями, в которых писатель не сумел увидеть нового человека в реальной жизни или опасался, что увиденное им недостаточно в смысле новизны, наделает своего героя и саму действительность условными чертами должностного.

В результате получаются вещи, малоубедительные.

Тогда Данин отмечает, как особое достоинство повести, то, что она от начала до конца приблизила ощущением самоотверженного труда, самоотверженностью не в буквальном смысле слова, ибо в труде этого нет никакого самоотречения, — для героя книги Н. Емельяновой труд есть необходимое условие существования.

— Автор «Записок» много и любовно живописует природу, — говорит И. Меньшиков. — Но главное в творчестве Н. Емельяновой — современный советский человек, который пишет, чтобы эту природу преобразовать. Однако, по мнению

И. Меньшикова, прекрасные очерки об уссурийской тайге недостаточно эмоциональны. В образах отдельных персонажей и даже в описание природы хотелось бы чувствовать большие страсти, большие волнения. Постоянное стремление автора к объективности приводит его к чрезмерной склонности.

Говоря об образе главного героя повести, которого он, как и другие выступавшие, отождествляет с автором, И. Меньшиков обнаруживает явную неподобающуюся. Самый удачный образ, заявляет он, это образ самого автора. Все его поступки свидетельствуют о том, что он хороший советский человек. А вслед за этим И. Меньшиков приписывает героям честолюбивое «непротивление злу».

В. Ковалевский в своем выступлении противопоставляет «Записки геолога» новой повести Ю. Крымова «Инженер». И Ю. Крымов и Н. Емельянова, подчеркнут он, прошли в литературу от своих профессий. Но Н. Емельянова, показывая советского человека и его отношение к жизни и природе, всем строем своего творчества доказывает, что ждет от правильному пути, действует методами подлинного искусства. Ю. Крымов же, по мнению В. Ковалевского, не сумел в своей последней повести подняться над повседневностью, не увидел глазами художника настоящую горячую, живую жизнь.

С. Бондарин поясняет свое выступление формой и построением сюжета в повести Емельяновой и делает несколько замечаний по поводу манеры ее письма. Он отмечает некоторое однообразие интонаций и излишнюю, по его мнению, обстоятельственность изложения.

Подводя итоги обсуждению, А. Фадеев согласился с мнением большинства выступавших о книге Н. Емельяновой. Он говорит, что «Записки геолога» — «зеваярдноеявление в литературе последнего времени. В этой книге дается оценка событий и поступков, возвращающая их моральную сторону в связи с проблемой человека и природы. Автор морализирует в хорошем смысле этого слова. В этом отношении новая повесть Н. Емельяновой продолжает лучшие традиции классической литературы».

— Возможно, что повесть «В Уссурийской тайге», — заключает А. Фадеев, — вследствие специфики жанра и материала, не будет иметь своего широкого круга поклонников. Но все же я уверен, что многие будут знать и любить эту книгу.

A. Дерман

Готовясь к сегодняшнему докладу, я перечитал произведение Н. Емельяновой и должен начать с чего-то вроде покаяния. Определение вещи, которое мною дано в статье, напечатанной в журнале «Литература», очень недостаточно и неудачно. Я писал: «В «Уссурийской тайге» — это живое, глубокое и всесторонне повествование о том совершенно новом опыте основания уссурийской тайги, который открыл бы возможности глубже, узнав жизнь тайги, научить человека ходячинать в ней, не испытывать, а сберегать дерево, птицы, зверя. Здесь все верно, но это совершенно не раскрывает произведения».

Перечитав произведение Н. Емельяновой, я почувствовал, что политически, ли-тературно и эмоционально эта вещь гораздо значительнее, чем мне показалось сначала. В «Записках геолога» поставлен очень большой вопрос о воспитании человека, который пишет, чтобы эту природу преобразовать. Однако, по мнению

для себя новые горизонты, скрытые от тех, кто склонен к более плоскому восприятию явления. Конечно, постоянное напряжение очень трудно. Одна из опасностей, таинящихся здесь, — в том, что герой произведения может превратиться в этого «западника», окруженного какими-то «баками». И действительно, у Н. Емельяновой изображен целый ряд людей разномысльных, которых автор все время судит. Тут появляется привкус некоторой моральной синхронности. В результате этого — рассудочность, доктринирование.

В произведении большое место занимает борьба с директором геологической станции. Но в том, как эта борьба показана, также чувствуется некоторый признак рассудочности. Вот еще один пример: героя повести рассказывает, что во времена геологических экскурсий она собирала очень ценные коллекции, неoubходимую для описания заповедника. Несправедливо уволенная, она оставила, уезжая, эту коллекцию на чисто попечение. Вернувшись, она обнаружила, что погибли результаты ее громадной полугодовой работы. По этому поводу мы читаем такие фразы: «Если хорошо подумать, все это в самом деле поправимо... И я стала разговаривать, будто ничего не случилось». Чтобы сказать это, нужно очень большое усилие, ведь боязнь, и словами чувствуется житейское бине огорченного сердца. Но потому что рассказчики слушают и здесь. Вот та опасность, от которой автор не всегда умел уверяться. Книга не вполне обогащена и от легкого налета сентиментальности. Сентиментальность бывает разная. Иногда она приносит отсутствие всякой чувствительности, тогда это нечто совершенно отрицательное. Иногда же сентиментальность есть выражение настоящего чувства, с которым автор художественно не спрашивается. Такова сентиментальность произведения Н. Емельяновой.

Книга Н. Емельяновой производит также большое впечатление именно потому, что не дана очень конкретное и убедительное изображение процесса и учебного изучения самого себя, процесса, который показывает постепенное вытеснение в себе индифферентного отношения к жизни, к человеку. Автор не разумеет, не сажает доктрину, а конкретное художественное воплощение процесса постепенного отождествления у равнодушия позиции за позицией.

Каким приемом пользуется Н. Емельянова?

Повествование ведется от первого лица, поэтому автор отождествляется с главным героем. Герой произведения выступает в различных случаях жизни, раскручивается в своих взаимоотношениях с людьми так, будто «шестое чувство» — отсутствие равнодушия — уже основано им. На первых порах такой прием создает впечатление о рассудочности, может быть, не сколько декларативных, доктринерских рассуждений. Чувствуется, что герой произведения все время находится в напряжении, каждый свой шаг подвергает自己 психологии, моральному анализу.

Мы иногда относимся с некоторым подозрением к изображению поэтического процесса самонаписания человека. Можем ли тем, новых мораль и этика не дают человеку в готовом виде, они воспитывают в усвоенных, которых автор все время судит. Тут появляется привкус некоторой моральной синхронности. В результате этого — рассудочность, доктринирование.

Возможно, что герой произведения выступает в том, чтобы казаться не тем, каков он есть в действительности. Тогда здесь таится источник всяческой фальши, липсемии и обмана. Но человек может упорно работать над собой для того, чтобы не казаться, а действительностью быть именем. У Н. Емельяновой мы видим certaine поступки, систематически направленные к тому, чтобы не казаться, а стать человеком новой эпохи, новых принципов.

Внимание и вдумчивое отношение к жизни, к людям помогают видеть поступки в их подлинном свете. Открывается, обладающий шестым чувством», открывает

для себя новые горизонты, скрытые от тех, кто склонен к более плоскому восприятию явления. Конечно, постоянное напряжение очень трудно. Одна из опасностей, таинящихся здесь, — в том, что герой произведения может превратиться в этого «западника», окруженного какими-то «баками». И действительно, у Н. Емельяновой изображен целый ряд людей разномысльных, которых автор все время судит. Тут появляется привкус некоторой моральной синхронности. В результате этого — рассудочность, доктринирование.

Возможно, что герой произведения выступает в том, чтобы казаться не тем, каков он есть в действительности. Тогда здесь таится источник всяческой фальши, липсемии и обмана. Но человек может упорно работать над собой для того, чтобы не казаться, а действительностью быть именем. У Н. Емельяновой мы видим certaine поступки, систематически направленные к тому, чтобы не казаться, а стать человеком новой эпохи, новых принципов.

Внимание и вдумчивое отношение к жизни, к людям помогают видеть поступки в их подлинном свете. Открывается, обладающий шестым чувством», открывает

для себя новые горизонты, скрытые от тех, кто склонен к более плоскому восприятию явления. Конечно, постоянное напряжение очень трудно. Одна из опасностей, таинящихся здесь, — в том, что герой произведения может превратиться в этого «западника», окруженного какими-то «баками». И действительно, у Н. Емельяновой изображен целый ряд людей разномысльных, которых автор все время судит. Тут появляется привкус некоторой моральной синхронности. В результате этого — рассудочность, доктринирование.

Возможно, что герой произведения выступает в том, чтобы казаться не тем, каков он есть в действительности. Тогда здесь таится источник всяческой фальши, липсемии и обмана. Но человек может упорно работать над собой для того, чтобы не казаться, а действительностью быть именем. У Н. Емельяновой мы видим certaine поступки, систематически направленные к тому, чтобы не казаться, а стать человеком новой эпохи, новых принципов.

Внимание и вдумчивое отношение к жизни, к людям помогают видеть поступки в их подлинном свете. Открывается, обладающий шестым чувством», открывает

для себя новые горизонты, скрытые от тех, кто склонен к более плоскому восприятию явления. Конечно, постоянное напряжение очень трудно. Одна из опасностей, таинящихся здесь, — в том, что герой произведения может превратиться в этого «западника», окруженного какими-то «баками». И действительно, у Н. Емельяновой изображен целый ряд людей разномысльных, которых автор все время судит. Тут появляется привкус некоторой моральной синхронности. В результате этого — рассудочность, доктринирование.

Возможно, что герой произведения выступает в том, чтобы казаться не тем, каков он есть в действительности. Тогда здесь таится источник всяческой фальши, липсемии и обмана. Но человек может упорно работать над собой для того, чтобы не казаться, а действительностью быть именем. У Н. Емельяновой мы видим certaine поступки, систематически направленные к тому, чтобы не казаться, а стать человеком новой эпохи, новых принципов.

Внимание и вдумчивое отношение к жизни, к людям помогают видеть поступки в их подлинном свете. Открывается, обладающий шестым чувством», открывает

для себя новые горизонты, скрытые от тех, кто склонен к более плоскому восприятию явления. Конечно, постоянное напряжение очень трудно. Одна из опасностей, таинящихся здесь, — в том, что герой произведения может превратиться в этого «западника», окруженного какими-то «баками». И действительно, у Н. Емельяновой изображен целый ряд людей разномысльных, которых автор все время судит. Тут появляется привкус некоторой моральной синхронности. В результате этого — рассудочность, доктринирование.

Возможно, что герой произведения выступает в том, чтобы казаться не тем, каков он есть в действительности. Тогда здесь таится источник всяческой фальши, липсемии и обмана. Но человек может упорно работать над собой для того, чтобы не казаться, а действительностью быть именем. У Н. Емельяновой мы видим certaine поступки, систематически направленные к тому, чтобы не казаться, а стать человеком новой эпохи, новых принципов.

Внимание и вдумчивое отношение к жизни, к людям помогают видеть поступки в их подлинном свете. Открывается, обладающий шестым чувством», открывает

для себя новые горизонты, скрытые от тех, кто склонен к более плоскому восприятию явления. Конечно, постоянное напряжение очень трудно. Одна из опасностей, таинящихся здесь, — в том, что герой произведения может превратиться в этого «западника», окруженного какими-то «баками». И действительно, у Н. Емельяновой изображен целый ряд людей разномысльных, которых автор все время судит. Тут появляется привкус некоторой моральной синхронности. В результате этого — рассудочность, доктринирование.

Возможно, что герой произведения выступает в том, чтобы казаться не тем, каков он есть в действительности. Тогда здесь таится источник всяческой фальши, липсемии и обмана. Но человек может упорно работать над собой для того, чтобы не казаться, а действительностью быть именем. У Н. Емельяновой мы видим certaine поступки, систематически направленные к тому, чтобы не казаться, а стать человеком новой эпохи, новых принципов.

Внимание и вдумчивое отношение к жизни, к людям помогают видеть поступки в их подлинном свете. Открывается, обладающий шестым чувством», открывает

для себя новые горизонты, скрытые от тех, кто склонен к более плоскому восприятию явления. Конечно, постоянное напряжение очень трудно. Одна из опасностей, таинящихся здесь, — в том, что герой произведения может превратиться в этого «западника», окруженного какими-то «баками». И действительно, у Н. Емельяновой изображен целый ряд людей разномысльных, которых автор все время судит. Тут появляется привкус некоторой моральной синхронности. В результате этого — рассудочность, доктринирование.

Возможно, что герой произведения выступает в том, чтобы казаться не тем, каков он есть в действительности. Тогда здесь таится источник всяческой фальши, липсемии и обмана. Но человек может упорно работать над собой для того, чтобы не казаться, а действительностью быть именем. У Н. Емельяновой мы видим certaine поступки, систематически направленные к тому, чтобы не казаться, а стать человеком новой эпохи, новых принципов.

Внимание и вдумчивое отношение к жизни, к людям помогают видеть поступки в их подлинном свете. Открывается, обладающий шестым чувством», открывает

для себя новые горизонты, скрытые от тех, кто склонен к более плоскому восприятию явления. Конечно, постоянное напряжение очень трудно. Одна из опасностей, таинящихся здесь, — в том, что герой произведения может превратиться в этого «западника», окруженного какими-то «баками». И действительно, у Н. Емельяновой изображен целый ряд людей разномысльных, которых автор все время судит. Тут появляется привкус некоторой моральной синхронности. В результате этого — рассудочность, доктринирование.

Возможно, что герой произведения выступает в том, чтобы казаться не тем, каков он есть в действительности. Тогда здесь таится источник всяческой фальши, липсемии и обмана. Но человек может упорно работать над собой для того, чтобы не казаться, а действительностью быть именем. У Н. Емельяновой мы видим certaine поступки, систематически направленные к тому, чтобы не казаться, а стать человеком новой эпохи, новых принципов.

Внимание и вдумчивое отношение к жизни, к людям помогают видеть поступки в их подлинном свете. Открывается, обладающий шестым чувством», открывает

для себя новые горизонты, скрытые от тех, кто склонен к более плоскому восприятию явления. Конечно, постоянное напряжение очень трудно. Одна из опасностей, таинящихся здесь, — в том, что герой произведения может превратиться в этого «западника», окруженного какими-то «баками». И действительно, у Н. Емельяновой изображен целый ряд людей разномысльных, которых автор все время судит. Тут появляется привкус некоторой моральной синхронности. В результате этого — рассудочность, доктринирование.

Возможно, что герой произведения выступает в том, чтобы казаться не тем, каков он есть в действительности. Тогда здесь таится источник всяческой фальши, липсемии и обмана. Но человек может упорно работать над собой для того, чтобы не казаться, а действительностью быть именем. У Н. Емельяновой мы видим certaine поступки, систематически направленные к тому, чтобы не казаться, а стать человеком новой эпохи, новых принципов.

Внимание и вдумчивое отношение к жизни, к людям помогают видеть поступки в их подлинном свете. Открывается, обладающий шестым чувством», открывает

для себя новые горизонты, скрытые от тех, кто склонен к более плоскому восприятию явления. Конечно, постоянное напряжение очень трудно. Одна из опасностей, таинящихся здесь, — в том, что герой произведения может превратиться в этого «западника», окруженного какими-то «баками». И действительно, у Н. Емельяновой изображен целый ряд людей разномысльных, которых автор все время судит. Тут появляется привкус некоторой моральной синхронности. В результате этого — рассудочность, доктринирование.

Возможно, что герой произведения выступает в том, чтобы казаться не тем, каков он есть в действительности. Тогда здесь таится источник всяческой фальши, липсемии и обмана. Но человек может упорно работать над собой для того, чтобы не казаться, а действительностью быть именем. У Н. Емельяновой мы видим certaine поступки, систематически направленные к тому, чтобы не казаться, а стать человеком новой эпохи, новых принципов.

Внимание и вдумчивое отношение к жизни, к людям помогают видеть поступки в их подлинном свете. Открывается, обладающий шестым чувством», открывает

Драматургия Ивана Кочерги

I

В 1925 г. в один из украинских столичных театров была при邀лена пьеса с эпиграфом называвшим: «Фем горного мицдя». Имя автора было неизвестно — Иван Кочерга.

«Фем горного мицдя» сразу же обнаружила самостоятельный творческий «шарм» драматурга. Пьеса была принята сочувствием и поставлена во многих театрах Украины. Так началась необычайно известный творческий путь украинского советского драматурга Ивана Кочерги.

Его первые пьесы были написаны в легких водевильных тонах. В них проявлялись то лукавый, брызгливый народный юмором смех Старницкого, то знаменные комедийные положения венецианской Бронинской. Далее в феерии «Марко аль», более поздней пьесе, Кочерга не отказался от использования украинского классического наследства, столь ярко воплощенного в спектакле могучей тройкой Толстивичей.

Драматурга привлекают отдельные страницы украинской старинны. Стремление к хитросплетенным сюжетам приводят его к занимательным историческим анекдотам, пустыням, на основе которых, собственно, строится пьеса. Нежели 1809 года — это фон, на котором разыгрывается веселая история графа Бжостовского, отыскивающего «Фем горного мицдя». И Житомир 1768—69 годов — тоже фон для увлекательных поисков подчиненного альманаха княгини Вильковской («Алмазный жернов»). Остроумные ситуации, которые находят автора для своих герояев, интересны в духе «Ой, не ходи, Григорь! Старницкого. Правда, и в ранних пьесах И. Кочерги есть уже certaine выдающиеся образы. Зрителя, видящего в спектакле «Алмазный жернов», не может не вспомнить супорок фигуру супы Дубровского, серебряного мудреца Цвилловица, трех музыкантов-гайдамаков.

Одной из лучших пьес И. Кочерги, как и один из значительных произведений современной украинской драматургии, является стихотворная драма «Песнь о Свеше».

«Песнь о Свеше» построена на историческом материале. Но на этот раз история Украины — совсем не экзотическая декорация. В основу пьесы положен исторический факт, опровергающий эту схему. Примите, именем Кочерги к глубоким сдвигам, вызванным новым временем. Революционные изменения в жизни тем в духе, то в «Пойдешь — не вернешься» готовы философская схема насыщена драматизмом своих герояев. Именно эти и можно объяснить неуязвимую интересность зрителя пьесы. Рядом с реальным физическим пространством, утверждает автор, существует и пространство психологии. Песнь, неподходящее, как пустыня «Пойдешь — не вернешься». На противоположность преодолимого физического пространства, пространству непреодолимому — психологическому строятся все пьесы.

Разрыв между заранее выработанной философской схемой, втихомодействующей в сюжетные замыслы пьесы, и жизненным материалом, опровергающим эти схемы, приводит именем Кочерги к глубоким сдвигам, вызванным новым временем. Монолог героями не комментируют сюжет, то играют чисто служебную роль. Никакой самостоятельной художественной ценности они не представляют. Особенно это бросается в глаза, когда сравнивают монолог Веры Немиловой в «Выборе» с чудесным монологом Мелани в «Песне о Свеше» — сплошь обрамленном большого поэтического голоса.

Многим произведениям тема усложняется положением, в каком попадают герои, положение, если проследить за всем ходом пьесы, не совсем обычное и, надо сразу же отметить, искусственно. Плохо, когда пьеса строится на принципе «а что было бы, если...» только для того, чтобы оправдать риски науки, нежизненных ситуаций. В большинстве случаев подобная условность уводит драматурга в сторону холостяцкого мудрствования.

Ничто так не опонируется литературе, как тема семьи, брака, тема нового человеческого общежития. Кочерга боится такого сближения, а потому передает свою пьесу в условный язык, изъясняющий языку драматургу и позволяющий в finale произнести любой говор.

Существует реальная ситуация. Верна Немилова любит своего мужа, советского ученого, Нестора Немилова. Семейные отношения — здоровые, ничем не запятнанные. Любовь и дружба царят в их доме. Но что было бы, если... И вот начиняется напоминание условных психологических положений. Верна Немилова увлекается малым писателем Яворским. Нестор, всенеподозрительный жене, оставляет ей таинственный пакет и исчезает. Верна терзается сомнениями: враг ли ее муж или нет, должна ли она вскрыть пакет? В финале появляется Нестор, просящий прощения, доверие к мужу не отходит долг перед родиной, семья Немиловых остается нерушимой. Драматург возвращает своих герояев из условного в реальный мир. Но это не спасает пьесы от двойственности и разносторонности. И. Кочерга — мастер отдельной, тонко обогравшей детали (жернов в «Алмазном жернове»), курика в «Часовщике и курице», поклоняется в «Часовщике и курице», поклоняется Спиччьорского в «Пойдешь — не вернешься». Но обмыливание «единственного пакета» — осенка, на которую прибывает доверие в мужу в «Выборе», — бледно, науки. Монолог героями не комментируют сюжет, то играют чисто служебную роль. Никакой самостоятельной художественной ценности они не представляют. Особенно это бросается в глаза, когда сравнивают монолог Веры Немиловой в «Выборе» с чудесным монологом Мелани в «Песне о Свеше» — сплошь обрамленном большим поэтическим пространством, утверждает автор, существует и пространство психологии. Песнь, неподходящее, как пустыня «Пойдешь — не вернешься». На противоположность преодолимого физического пространства, пространству непреодолимому — психологическому строятся все пьесы.

На современную тематику построена и вторая пьеса этого цикла — «Пойдешь — не вернешься». Если в «Часовщике и курице» философская схема совпадала с мыслями и действиями герояев, не вызывая резкого противоречия между тем в духе, то в «Пойдешь — не вернешься» готовы философская схема насыщена драматизмом своих герояев. Именно эти и можно объяснить неуязвимую интересность зрителя пьесы. Рядом с реальным физическим пространством, утверждает автор, существует и пространство психологии. Песнь, неподходящее, как пустыня «Пойдешь — не вернешься». На противоположность преодолимого физического пространства, пространству непреодолимому — психологическому строятся все пьесы.

Кочерга избрал свой собственный путь — пьесы со сложной философской проблемой. Естественны те трудности, которые встречаются на своем творческом пути драматурга. Философская схема, комплекс вопросов этики и морали, которые изображаются драматургом, часто изолируются от жизни, становятся вне органической связи с внутренним миром герояев. Именно поэтому они воспринимаются как готовая заранее предложенная схема, хотя в сюжете они выплетены очень умело и искусно.

III

Кочерга избрал свой собственный путь — пьесы со сложной философской проблемой. Естественны те трудности, которые встречаются на своем творческом пути драматурга. Философская схема, комплекс вопросов этики и морали, которые изображаются драматургом, часто изолируются от жизни, становятся вне органической связи с внутренним миром герояев. Именно поэтому они воспринимаются как готовая заранее предложенная схема, хотя в сюжете они выплетены очень умело и искусно.

Кочерга — серьезный, вдумчивый художник, сыгравший важную роль не второстепенными

замыслами, а жизненными и материальными, а не эмоциональными и мимолетными. У него есть тезисы, которые он помнил, памятуя себе драматургом, приступая к работе над пьесой. Но идея общей славы, гордости за свое имя превращается в идею отречения от славы, в антигероизм, проповедь безымянности. Интересно, что представителем такой личной философии драматург делает молодую героиню пьесы, doch профессора Гречихина — Журу. В первом же акте Жура заявляет ей: «Я хотела бы принять участие в какой-нибудь большой, большой работе — лучше в твоей, но чтобы никто не знал, даже не подозревал, что это я сделала».

В пьесе намечена — «очень слабо — и лишь разоблачения греческих «философий». Затем эту выполняют второстепенные персонажи — супруги Лагутиновы. Было бы правильно, если бы этим второстепенным персонажам драматург отдал первенствующие роли, ибо они и только они являются подлинными героями пьесы.

Одна из последних пьес Кочерги — «Выбор» — выбор между чувством и обязанностью. Это знакомая по пьесам Ивана Кочерги в «Московском областном колхозном театре» она шла под названием «Вера Немилова».

В МХАТ СССР имени Горького наставляемый пьесой А. Кирюхином «Любовь и смерть» — на тему о новой морали советской семьи.

★ ★ ★

Для постановки в 1941 году московским театром Кирюхином пьесы И. Плющова «Любовь и смерть» — на тему о новой морали советской семьи.

★ ★ ★

В МХАТ СССР имени Горького наставляемый пьесой А. Кирюхином «Любовь и смерть» — на тему о новой морали советской семьи.

★ ★ ★

БАКУ. (Из корр.) Фильм, посвященный пьесе Ильи Кирюхина, великого азербайджанского писателя-философа Мирза Фатали Ахундова, находится в производстве бакинской киностудии. Автор спектакля — М. Рафиев. По поручению бакинской киностудии М. Рафиев написал сценарий «Фархад» и скончалась известной поэме Низами «Хосров и Ширин».

★ ★ ★

ВАКУ. (Из корр.) Фильм, посвященный пьесе Ильи Кирюхина, великого азербайджанского писателя-философа Мирза Фатали Ахундова, находится в производстве бакинской киностудии. Автор спектакля — М. Рафиев.

По поручению бакинской киностудии М. Рафиев написал сценарий «Фархад» и скончалась известной поэме Низами «Хосров и Ширин».

★ ★ ★

БАКУ. (Из корр.) Фильм, посвященный пьесе Ильи Кирюхина, великого азербайджанского писателя-философа Мирза Фатали Ахундова, находится в производстве бакинской киностудии. Автор спектакля — М. Рафиев.

По поручению бакинской киностудии М. Рафиев написал сценарий «Фархад» и скончалась известной поэме Низами «Хосров и Ширин».

★ ★ ★

БАКУ. (Из корр.) Фильм, посвященный пьесе Ильи Кирюхина, великого азербайджанского писателя-философа Мирза Фатали Ахундова, находится в производстве бакинской киностудии. Автор спектакля — М. Рафиев.

По поручению бакинской киностудии М. Рафиев написал сценарий «Фархад» и скончалась известной поэме Низами «Хосров и Ширин».

★ ★ ★

БАКУ. (Из корр.) Фильм, посвященный пьесе Ильи Кирюхина, великого азербайджанского писателя-философа Мирза Фатали Ахундова, находится в производстве бакинской киностудии. Автор спектакля — М. Рафиев.

По поручению бакинской киностудии М. Рафиев написал сценарий «Фархад» и скончалась известной поэме Низами «Хосров и Ширин».

★ ★ ★

БАКУ. (Из корр.) Фильм, посвященный пьесе Ильи Кирюхина, великого азербайджанского писателя-философа Мирза Фатали Ахундова, находится в производстве бакинской киностудии. Автор спектакля — М. Рафиев.

По поручению бакинской киностудии М. Рафиев написал сценарий «Фархад» и скончалась известной поэме Низами «Хосров и Ширин».

★ ★ ★

БАКУ. (Из корр.) Фильм, посвященный пьесе Ильи Кирюхина, великого азербайджанского писателя-философа Мирза Фатали Ахундова, находится в производстве бакинской киностудии. Автор спектакля — М. Рафиев.

По поручению бакинской киностудии М. Рафиев написал сценарий «Фархад» и скончалась известной поэме Низами «Хосров и Ширин».

★ ★ ★

БАКУ. (Из корр.) Фильм, посвященный пьесе Ильи Кирюхина, великого азербайджанского писателя-философа Мирза Фатали Ахундова, находится в производстве бакинской киностудии. Автор спектакля — М. Рафиев.

По поручению бакинской киностудии М. Рафиев написал сценарий «Фархад» и скончалась известной поэме Низами «Хосров и Ширин».

★ ★ ★

БАКУ. (Из корр.) Фильм, посвященный пьесе Ильи Кирюхина, великого азербайджанского писателя-философа Мирза Фатали Ахундова, находится в производстве бакинской киностудии. Автор спектакля — М. Рафиев.

По поручению бакинской киностудии М. Рафиев написал сценарий «Фархад» и скончалась известной поэме Низами «Хосров и Ширин».

★ ★ ★

БАКУ. (Из корр.) Фильм, посвященный пьесе Ильи Кирюхина, великого азербайджанского писателя-философа Мирза Фатали Ахундова, находится в производстве бакинской киностудии. Автор спектакля — М. Рафиев.

По поручению бакинской киностудии М. Рафиев написал сценарий «Фархад» и скончалась известной поэме Низами «Хосров и Ширин».

★ ★ ★

БАКУ. (Из корр.) Фильм, посвященный пьесе Ильи Кирюхина, великого азербайджанского писателя-философа Мирза Фатали Ахундова, находится в производстве бакинской киностудии. Автор спектакля — М. Рафиев.

По поручению бакинской киностудии М. Рафиев написал сценарий «Фархад» и скончалась известной поэме Низами «Хосров и Ширин».

★ ★ ★

БАКУ. (Из корр.) Фильм, посвященный пьесе Ильи Кирюхина, великого азербайджанского писателя-философа Мирза Фатали Ахундова, находится в производстве бакинской киностудии. Автор спектакля — М. Рафиев.

По поручению бакинской киностудии М. Рафиев написал сценарий «Фархад» и скончалась известной поэме Низами «Хосров и Ширин».

★ ★ ★

БАКУ. (Из корр.) Фильм, посвященный пьесе Ильи Кирюхина, великого азербайджанского писателя-философа Мирза Фатали Ахундова, находится в производстве бакинской киностудии. Автор спектакля — М. Рафиев.

По поручению бакинской киностудии М. Рафиев написал сценарий «Фархад» и скончалась известной поэме Низами «Хосров и Ширин».

★ ★ ★

БАКУ. (Из корр.) Фильм, посвященный пьесе Ильи Кирюхина, великого азербайджанского писателя-философа Мирза Фатали Ахундова, находится в производстве бакинской киностудии. Автор спектакля — М. Рафиев.

По поручению бакинской киностудии М. Рафиев написал сценарий «Фархад» и скончалась известной поэме Низами «Хосров и Ширин».

★ ★ ★

БАКУ. (Из корр.) Фильм, посвященный пьесе Ильи Кирюхина, великого азербайджанского писателя-философа Мирза Фатали Ахундова, находится в производстве бакинской киностудии. Автор спектакля — М. Рафиев.

По поручению бакинской киностудии М. Рафиев написал сценарий «Фархад» и скончалась известной поэме Низами «Хосров и Ширин».

★ ★ ★

БАКУ. (Из корр.) Фильм, посвященный пьесе Ильи Кирюхина, великого азербайдж

